

DOI: 10.17803/1729-5920.2025.224.7.048-069

А. М. Чирнинов

Уральский государственный юридический университет имени В.Ф. Яковлева
г. Екатеринбург, Российская Федерация

Критерии оценки конституционно-судебной аргументации

Резюме. Одним из важнейших направлений развития теории конституционно-судебной аргументации выступает разработка инструментов, позволяющих оценить ее качество и эффективность. Поскольку аргументация выполняет служебную функцию по отношению к обслуживаемой ею деятельности, в этом процессе нужно учитывать предназначение и особенности конституционного нормоконтроля. В статье исследуются факторы, которые обуславливают необходимость выделения конкретных критериев оценки конституционно-судебной аргументации. Используя в качестве исходной посылки тезис о том, что посредством аргументации должна усиливаться конституционная нормативность, автор формулирует методологические требования к процессу формирования конституционного дискурса и выделяет критерии оценки конституционно-судебной аргументации: конституционную обусловленность утверждений о конституционно должном; точность диагностики действующего правового регулирования; адекватность описания и осмысления социального контекста; приемлемость аргументов для конституционного дискурса; полноту (защищенность) аргументации. В работе показывается, что критерии оценки аргументации, учитывающие специфику конституционного нормоконтроля, существенно снижают риск аргументативных ошибок, а также позволяют выявлять манипуляции и некорректную аргументацию и противостоять им. Это особенно важно в свете того, что в конституционном дискурсе каждый тезис и приводимые в его поддержку аргументы влияют на определение границ конституционно должного, дозволенного и запрещенного.

Ключевые слова: критерии оценки аргументации; конституционное правосудие; качество аргументации; конституционный дискурс; рассуждения; конституционная нормативность; конституционно-судебная аргументация; конституция; доводы; возражения

Для цитирования: Чирнинов А. М. Критерии оценки конституционно-судебной аргументации. *Lex russica*. 2025. Т. 78. № 7. С. 48–69. DOI: 10.17803/1729-5920.2025.224.7.048-069

Criteria for Evaluating Constitutional Judicial Argumentation

Aldar M. Chirninov

Ural State Law University named after V.F. Yakovlev
Yekaterinburg, Russian Federation

Abstract. One of the key directions in the development of the theory of constitutional judicial argumentation is the development of tools that can help to assess the quality of constitutional judicial argumentation and its effectiveness. Since argumentation serves a functional role in relation to the activities it supports, it is crucial to consider the purpose and features of constitutional norm control in this process. The paper examines the factors that necessitate the identification of specific criteria for evaluating constitutional judicial argumentation. Using the premise that argumentation should strengthen constitutional normativity, the author formulates methodological requirements for the process of forming constitutional discourse and identifies the following criteria for evaluating constitutional judicial argumentation: constitutional justification of assertions regarding the constitutionally appropriate; accuracy in diagnosing the current legal regulation; adequacy in describing and understanding the social context; acceptability of arguments for constitutional discourse; and completeness (exhaustiveness) of the argumentation. The study demonstrates that evaluation criteria for argumentation that take into account the specifics of constitutional norm control significantly reduce the risk of argumentative errors, as well as allow

© Чирнинов А. М., 2025

for the identification of manipulations and incorrect argumentation, giving an opportunity to respond to them. This is particularly important given that in constitutional discourse, each thesis and the arguments presented in its support influence the definition of the boundaries of what is constitutionally appropriate, permissible, and prohibited.

Keywords: criteria for evaluating argumentation; constitutional justice; quality of argumentation; constitutional discourse; reasoning; constitutional normativity; constitutional judicial argumentation; constitution; arguments; counterarguments

Cite as: Chirninov AM. Criteria for Evaluating Constitutional Judicial Argumentation. *Lex russica*. 2025;78(7):48-69. (In Russ.). DOI: 10.17803/1729-5920.2025.224.7.048-069

Введение

Один из ключевых аспектов теории аргументации — установление критериев, позволяющих оценить ее эффективность. Когда можно говорить о том, что аргументативный акт в рамках конституционного правосудия состоялся и был успешным? И какие критерии следует использовать для анализа достигнутых результатов?

Оценка аргументации во многом зависит от того, с какой точки зрения мы ее рассматриваем. Каждый подход предлагает свои критерии оценки, которые продиктованы целью аргументации, характерной именно для этого подхода. Например, *логический подход* ставит по главу угла корректность формы и структуры рассуждения, а также соблюдение правил формальной логики при получении выводов. Соответственно, основными критериями становятся отсутствие внутренних противоречий, использование проверяемых и истинных посылок, логическая обоснованность заключения (вывод должен с необходимостью следовать из посылок)¹. *Риторический подход* направлен на убеждение аудитории в истинности отстаиваемого тезиса

и достижение ее согласия с ним. Здесь ценится умение адаптировать приводимые аргументы под конкретных адресатов, учитывая их убеждения, интересы и ценности². В рамках *диалектического подхода* ключевым является стремление к поиску истины через обмен мнениями и содержательное аргументативное взаимодействие между участниками³. При этом требуется учитывать возражения и контраргументы, чтобы глубже понять суть вопроса. Именно поэтому в диалектической парадигме так важно следовать правилам ведения дискуссии и уметь задавать критические вопросы, которые помогают развивать и уточнять позиции сторон⁴.

Очевидно, что конституционно-судебная аргументация должна соответствовать общим требованиям, предъявляемым к аргументации в целом. Однако для более точной оценки ее качества необходимо разработать специфические критерии, учитывающие особенности деятельности, которую она обслуживает. Поэтому разумно рассмотреть критерии оценки конституционно-судебной аргументации через призму ее основного предназначения — усиления конституционной нормативности⁵. Данное предна-

¹ См. подробнее: *Ивлев Ю. В.* Основы логической теории аргументации // Логические исследования. 2003. № 10. С. 50–60 ; *Брюшинкин В. Н.* Достоинства и недостатки логического подхода к моделированию аргументации // Вестник Балтийского федерального университета имени И. Канта. Серия «Гуманитарные и общественные науки». 2010. № 12. С. 96–105.

² *Мигунов А. И.* Соотношение риторических и аргументативных аспектов дискурса // РАЦИО.ru. 2010. № 4. С. 3–28, 9 ; *Политюк А. П.* Риторический поворот в теории аргументации // Вестник Балтийского федерального университета имени И. Канта. Серия «Гуманитарные и общественные науки». 2013. № 12. С. 115.

³ «...Диалектический взгляд на аргументацию видит основную ее задачу в совместном разрешении сомнений сторон и сближении их позиций» (*Мигунов А. И.* Указ. соч. С. 14).

⁴ *Walton D.* Fundamentals of Critical Argumentation. Cambridge : Cambridge University Press, 2006. P. 2–42. Одним из ключевых элементов прагма-диалектического подхода является модель критической дискуссии и правила ее ведения (см. подробнее: *Eemeren F. H. van, Grootendorst R.* A Systematic Theory of Argumentation: The Pragma-Dialectical Approach. Cambridge : Cambridge University Press, 2004. P. 42–68, 123–157).

⁵ *Чирнинов А. М.* В поисках релевантных аргументов: структура конституционно-судебной аргументации // Сравнительное конституционное обозрение. 2022. № 3 (148). С. 59.

значение может служить мета-критерием для оценки конституционно-судебной аргументации. С учетом изложенного исследовательская задача — ответить на вопрос, каким образом должны быть сформулированы критерии оценки аргументов, чтобы они способствовали усилению конституционной нормативности.

Почему так важно анализировать критерии оценки аргументации? Прежде всего, наличие обоснованных критериев является залогом достижения цели аргументации и поддержания высокого стандарта обоснования конституционно-судебных решений. Кроме того, правильно сформулированные критерии оценки аргументации, учитывающие особенности основной деятельности, помогают минимизировать риск аргументативных ошибок, а также выявлять манипуляции, случаи некорректной аргументации и противостоять им. Это особенно значимо в свете того, что ошибки в конституционно-судебной аргументации могут наносить серьезный ущерб конституционному правопорядку.

Критерии оценки аргументации в конституционном правосудии

В данной работе аргументация рассматривается как инструмент, который помогает обнаружить и раскрыть нормативный потенциал конституции. Наша цель — не просто перечислить известные требования к аргументам (например, достаточность аргументов для обоснования тезиса, их относимость, истинность и т.д.), а сформулировать критерии, которые в наибольшей степени соответствуют задачам конституционно-судебной аргументации и помогают определить ее регулятивные возможности.

Важно напомнить, что конституционная нормативность усиливается, когда происходит максимальное раскрытие содержания конституционных положений, выявляются глубинные связи между ними и охраняемыми ценностями, а также дается предельно объективная оценка системе действующего правового регулирования⁶. В этом смысле аргументация должна вплотную приближать лиц, принимающих конституционно-судебные решения, к конституционным эталонам правового нормирования. Каждый тезис и приводимые в его поддержку

аргументы должны вносить вклад в определение границ конституционно должного, дозволенного и запрещенного.

1. Конституционная обусловленность

Этот критерий является ключевым в парадигме усиления конституционной нормативности. Его смысл заключается в том, чтобы проверить, насколько рассуждения о должном обусловлены действительным содержанием конституции. В этом плане соблюдение рассматриваемого критерия обеспечивает легитимность принимаемых органом конституционного правосудия решений.

В критерии конституционной корректности можно выделить три самостоятельных подкритерия:

- выводимость конституционно-судебных предписаний из конституционных положений;
- последовательность рассуждений;
- универсальность рассуждений.

1.1. Выводимость конституционно-судебных предписаний из конституционных положений

Начнем с первого подкритерия. Поскольку аргументация рассматривается в качестве инструмента обнаружения и раскрытия нормативного потенциала конституции, рассуждения о конституционно должном должны быть выстроены так, чтобы можно было отследить взаимосвязь между исходным конституционным положением и конечным конституционно-судебным предписанием. Иными словами, этот критерий будет соблюдаться, если приводимые аргументы демонстрируют, что итоговый нормативный вывод вытекает из конституции. Недаром в литературе отмечается, что один из признаков обоснованности конституционно-судебного решения — отсутствие возможности обвинить суд в отхождении от конституции⁷.

Для того чтобы обеспечить соблюдение данного критерия, прежде всего должны быть выполнены требования к логике нормативного обобщения. Неслучайно конкретные конституционные стандарты правового нормирования излагаются именно в аргументативной форме, то есть раскрываются в результате последовательных рассуждений от абстрактных утверждений о должном к более конкретным. В то же время более конкретные нормативные утверж-

⁶ См. подробнее: Чирнинов А. М. В поисках релевантных аргументов. С. 47–57.

⁷ Jakob A. Judicial Reasoning in Constitutional Courts: A European Perspective // German Law Journal. Vol. 14. 2013. No. 8. P. 1217.

дения должны с необходимостью следовать из более абстрактных. Это обеспечивается, среди прочего, за счет объяснения, почему без соблюдения более конкретного требования будет нарушено общее положение.

Отдельно стоит выделить механизм выведения конкретных нормативных смыслов из концепций и понятий, закрепленных в тексте конституции. Здесь нормативные суждения формулируются с опорой на доктринальные разработки. Так, из принципа правового государства Конституционный Суд России выводит «требование обеспечения системного и непротиворечивого правового регулирования общественных отношений», из которого, в свою очередь, вытекает «недопустимость необоснованного распространения понятий, норм и институтов одних отраслей законодательства на другие»⁸. Понятно, что подобные нормативные представления были сформированы в том числе на основе доктринальных разработок об отраслевом делении и межотраслевых связях в праве.

Нередко конкретные конституционные предписания продуцируются в результате выявления сложных системных связей между конституционными положениями. Например, в результате рассмотрения содержания свободы совести и вероисповедания, свободы слова и права на распространение информации в контексте совокупного действия ст. 18, 19 и 55 (ч. 3) Конституции России появилось следующее предписание: «...Ограничение посредством антиэкстремистского законодательства (названных прав и свобод. — А. Ч.)... не должно иметь места в отношении какой-либо деятельности или информации на том лишь основании, что они не укладываются в общепринятые представления, не согласуются с устоявшимися традиционными взглядами

и мнениями, вступают в противоречие с морально-нравственными и (или) религиозными предпочтениями»⁹.

Рассмотрим другой пример. Обязанность предусмотреть на федеральном уровне резервный (экстраординарный) механизм обеспечения лекарственными средствами лиц, страдающих орфанными заболеваниями, притом что делегирование этой обязанности субъектам Федерации не нарушает требований Конституции России, было обосновано тем, что в случае неспособности субъектов Федерации выполнять соответствующие обязательства государство не вправе отказываться от решения этой задачи в силу обязанности обеспечивать право на уважение человеческого достоинства, право на охрану здоровья и медицинскую помощь, а также принципы единства публичной власти и взаимного доверия государства и общества. При этом приведенные конституционные положения стали релевантными ввиду трех факторов: жизнеугрожающего характера орфанных заболеваний, их низкой распространенности среди населения и высокой стоимости лекарственных средств от них¹⁰.

Уместно упомянуть технику, связанную с обоснованием подразумеваемости того или иного права. Эта техника реализуется в целях объективации конституционных прав и свобод, когда они не нашли текстуального отражения в конституции, но могут быть выведены из нее¹¹. Нередко в этой плоскости приводятся суждения об исторической значимости тех или иных прав для конкретного общества, укорененности тех или иных представлений о должном в общественном сознании¹². Кроме того, здесь может быть задействован интенциональный аргумент, с тем чтобы показать, что конституционный законодатель стремился особым образом защитить определенные ценности и что эти

⁸ Информация «Конституционно-правовая защита предпринимательства: актуальные аспекты (на основе решений Конституционного Суда Российской Федерации 2018–2020 годов)», одобренная решением Конституционного Суда РФ от 17.12.2020. С. 20 // URL: https://ksrf.ru/ru/Info/Maintenance/Informationks/Documents/Information_2018.pdf (дата обращения: 11.01.2025).

⁹ Абз. 13 п. 2 мотивировочной части определения Конституционного Суда РФ от 02.07.2013 № 1053-О // Вестник Конституционного Суда РФ. 2014. № 2.

¹⁰ Абз. 1 п. 7.3 мотивировочной части постановления Конституционного Суда РФ от 26.09.2024 № 41-П // СЗ РФ. 2024. № 40. Ст. 6055.

¹¹ См. подробнее: Должилов А. В. «Рукописи не горят»: неписанные права в конституционном правосудии // Сравнительное конституционное обозрение. 2014. № 1 (98). С. 120–137.

¹² U.S. Supreme Court. *Dobbs v. Jackson Women's Health Organization*. 597 U.S. 215 (June 24, 2022) // United States Supreme Court Reports. Vol. 597. 2022. P. 237–240.

ценности должны охраняться по повышенным стандартам¹³.

Таким образом, приводимые аргументы должны демонстрировать, что частные утверждения о конституционно должном являются необходимым продолжением более общих конституционных положений — как правило путем продуцирования суждений на более низком (конкретном) уровне нормативного обобщения. Этот критерий обеспечивает легитимность конституционного правосудия и призван подтвердить отсутствие произвола и присвоения судом правотворческих полномочий. Вместе с тем его соблюдение позволяет исключить ситуации фактического изменения конституции посредством толкования¹⁴.

1.2. Последовательность рассуждений

Второй подкритерий обозначает одно из ключевых требований к конституционно-судебной аргументации. Его суть в том, что, однажды сформулировав конкретное конституционное суждение, орган конституционного правосудия должен методично ему следовать. Если же по каким-либо причинам суд отклоняется от изложенного ранее суждения, то он обязан привести мотивы такого отклонения и аргументировать его конституционную необходимость.

Для этого, с одной стороны, можно утверждать, что рассматриваемая ситуация отличается от предыдущей, поскольку имеется иной фактический контекст. В частности, различие может заключаться в ином весе и значимости охраняемых интересов или наличии повышенных конституционных рисков. Например, Конституционный Суд России не стал распространять свои позиции относительно применимости сроков исковой давности ко взысканиям в пользу бюджета денежных сумм, полученных лицом в

результате нарушения законодательства (анти-монопольного, бюджетного и т.д.), в случаях, когда соответствующие доходы были получены в результате нарушения антикоррупционных требований и запретов¹⁵. Было справедливо отмечено, что «нарушения антимонопольного законодательства, являясь, бесспорно, противоправными деяниями, всё же не равнозначны по масштабам влияния на общество и государство»¹⁶. Далее Конституционный Суд России добавил, что эти нарушения «хотя и затрагивают публичный интерес, но происходят большей частью в частноправовых отношениях и не подрывают в той же степени основы публичной власти и ее социальную легитимность»¹⁷. Наконец, был артикулирован тезис о том, что коррупционные правонарушения более латентны, чем нарушения антимонопольного законодательства¹⁸. Так с помощью техники различения была обоснована неприменимость ранее выраженных конституционных суждений к спорной нормативной модели.

Последовательность рассуждений обеспечивается также за счет проактивного применения аналогии¹⁹ и сознательного стремления экстраполировать соответствующие конституционные суждения на сходные отношения, которые требуют такого же нормативного подхода. То есть, высказав правовую позицию, орган конституционного правосудия должен не просто ее придерживаться, но и стараться всячески распространять ее на аналогичные и смежные ситуации и обеспечивать тем самым распространение конституционных стандартов на еще более широкий пласт общественных отношений. Нужно подчеркнуть, что это требуется не только для более последовательной конституционализации правопорядка, но и для реализации принципа равноправия, который допускает

¹³ Подобной линии аргументации весьма способствует концепция конституционных страхов, которая особо предостерегает от порочных практик прошлого. См. подробнее: *Sajo A., Uitz R. The Constitution of Freedom: An Introduction to Legal Constitutionalism. Oxford : Oxford University Press, 2017. P. 7, 31–35.*

¹⁴ Проблематизацию толкования Конституции России как ее фактических поправок см.: *Краснов М. А. Толкования Конституции как ее фактические поправки // Сравнительное конституционное обозрение. 2016. № 1 (110). С. 77–91.*

¹⁵ Абз. 1 п. 5.4 мотивировочной части постановления Конституционного Суда РФ от 31.10.2024 № 49-П // СЗ РФ. 2024. № 46. Ст. 7029.

¹⁶ Абз. 3 п. 5.4 мотивировочной части постановления Конституционного Суда РФ от 31.10.2024 № 49-П.

¹⁷ Абз. 3 п. 5.4 мотивировочной части постановления Конституционного Суда РФ от 31.10.2024 № 49-П.

¹⁸ Абз. 3 п. 5.4 мотивировочной части постановления Конституционного Суда РФ от 31.10.2024 № 49-П.

¹⁹ Анализ практики обоснования по аналогии в конституционном дискурсе см.: *Блохин П. Д. Обоснование по аналогии в конституционно-правовых спорах // Аргументация в праве и морали : кол. монография / под ред. Е. Н. Лисанюк. СПб. : Алеф-Пресс, 2018. С. 212–224.*

дифференциацию правового регулирования только при наличии разумных и объективных оправданий.

Если обратиться к актуальным примерам из конституционно-судебной практики, то Конституционный Суд России распространил возможность применения судебной неустойки к трудовым спорам, акцентировав внимание на сходстве трудовых и гражданско-правовых споров и решении законодателя перевести данный институт в разряд общепроцессуальных²⁰. Важно отметить, что в целях обеспечения последовательности нормативных подходов орган конституционного правосудия в том же решении артикулировал ситуации, когда применение судебной неустойки может быть конституционно неприемлемым²¹.

Рассмотрим еще один пример. Столкнувшись с ситуацией, когда лицо не могло уплатить административный штраф в половинном размере только лишь потому, что правонарушение было выявлено по результатам прокурорского надзора, а не в рамках ведомственного государственного контроля (надзора), Конституционный Суд России обратил внимание на то, что такой подход никак «не связан с особенностями субъекта административной ответственности и (или) характером совершенного им деяния»²², а потому признал такую дифференциацию конституционно недопустимой.

С другой стороны, может быть признано, что ранее высказанное суждение ошибочно либо устарело (потеряло актуальность) и поэтому

нуждается в исправлении. В этом случае происходит отказ от прежних представлений о конституционно должном и корректируются конституционные стандарты правового нормирования. В данной парадигме должно быть разъяснено, что конкретно не было учтено, когда принималось предшествующее конституционно-судебное решение, или какие обстоятельства изменились, что требует корректировки в конституционно-правовых подходах. Любопытно, что в интересах последовательности органы конституционного правосудия могут обозначать условия, наличие которых сделает реализацию того или иного нормативного предписания конституционно допустимым в будущем²³, либо определять срок, в течение которого тот или иной подход считается допустимым²⁴.

Еще один аспект последовательности в рассуждениях — внимательное рассмотрение обратных ситуаций. Как известно, Конституционный Суд России приложил немало усилий, чтобы увязать право на социальную помощь с фактом постоянного проживания в определенной местности, а не с наличием формальной регистрации там по месту жительства. В силу правовой позиции суда для подтверждения этого факта допустимо использовать широкий спектр доказательств²⁵. Однако, когда возникла обратная ситуация, когда лицо, фактически не проживающее в данной местности, но имеющее там постоянную регистрацию, было привлечено к уголовной ответственности за мошенничество в связи с получением выплат,

²⁰ Абз. 1, 4 п. 4; абз. 1, 3 п. 5 мотивировочной части постановления Конституционного Суда РФ от 14.11.2024 № 52-П // СЗ РФ. 2024. № 48. Ст. 7404.

²¹ Абз. 5 п. 5 мотивировочной части постановления Конституционного Суда РФ от 14.11.2024 № 52-П.

²² Абз. 9 п. 4 мотивировочной части постановления Конституционного Суда РФ от 18.07.2024 № 39-П // СЗ РФ. 2024. № 30. Ст. 4444.

²³ Например, Конституционный Суд России не исключил возможности внедрения института условного вознаграждения («гонорара успеха») «с учетом конкретных условий развития правовой системы и исходя из конституционных принципов правосудия» (абз. 2 п. 3.4 мотивировочной части постановления Конституционного Суда РФ от 23.01.2007 № 1-П // СЗ РФ. 2007. № 6. Ст. 828).

²⁴ Рассматривая вопрос о конституционности правил приема в Школу права Университета Мичигана, которая включает в себя позитивную дискриминацию (англ.: affirmative action) в отношении представителей «расовых меньшинств», Верховный суд США вынес решение о конституционности такого подхода, однако подчеркнул, что «подобная практика должна быть ограничена по времени» и что «через 25 лет в ней не будет необходимости». См.: U.S. Supreme Court. Grutter v. Bollinger. 539 U.S. 306 (June 23, 2003) // United States Supreme Court Reports. Vol. 539. 2003. P. 309–310.

²⁵ Как указал Конституционный Суд России, «факт постоянного проживания... должен устанавливаться на основе совокупности доказательств, лежащих в области жилищных, трудовых, межличностных и иных отношений и свидетельствующих о том, что на соответствующую дату лицо выбрало территорию, на которой фактически постоянно проживает, как место своих приоритетных каждодневных жизненных интересов и своими действиями установило или выразило явное стремление к установлению с ней

полагавшихся жителям этой местности, Конституционный Суд России обратил внимание на то, что отсутствовали основания для назначения этих выплат, и отказал в принятии жалобы к рассмотрению²⁶. Этот пример ценен тем, что наглядно демонстрирует важность последовательности в рассуждениях. Последовательность исключает возможность принятия произвольных решений, исключает двойные стандарты и делает позицию более устойчивой к критике. Неслучайно во многих теориях юридической аргументации требование последовательности занимает центральное место: оно призвано продемонстрировать рациональность принятого решения²⁷.

В целом аргументативное значение рассматриваемого подкритерия обычно принято увязывать с реакцией на непоследовательность органа конституционного правосудия в своих рассуждениях. Это не только приводило бы к коммуникационным проблемам, связанным с подрывом доверия к выражаемым суждениям, но и осложняло сам процесс принятия решений. Поэтому соблюдение данного подкритерия требует готовности идти до конца в своих рассуждениях и выстраивать непротиворечивый конституционный дискурс, который учитывает все сложности, нюансы и детали отдельных общественных отношений.

1.3. Универсальность рассуждений

Третий подкритерий также важен для конституционного правосудия. Его смысл заключается в избрании такого уровня обобщения в рассуждениях (соотношения абстрактного и конкретного), который бы позволял охватить как можно больше общественных отношений, но в то же время учитывал особенности, требующие дифференцированного подхода.

Под универсальностью следует понимать требование к аргументу, которое подразумевает его применимость ко всем аналогичным ситуациям. Как указывает Н. Маккормик, «чтобы... обстоятельства С считались доводом для принятия решения D... должно быть приемлемо считать решение типа D уместным всякий раз, когда происходит случай С»²⁸. Если изобразить схематично, то для выполнения требований универсальности должна соблюдаться формула «Всегда, когда С, должно быть D»²⁹. Поэтому, высказывая суждения о конституционно должном, нужно помнить о конституционно-судебных спорах, которые могут потенциально возникнуть и где могут быть задействованы соответствующие аргументы, и критически анализировать, насколько уместно они будут звучать в соответствующих контекстах. В этом смысле критерий универсальности требует осторожности при подборе аргументов, поскольку необходимые суждения могут быть в дальнейшем использованы для необоснованного ограничения конституционных прав.

Рассмотрим пример. В ответ на довод заявителя о недостаточности времени, которое действующее правовое регулирование предоставляет члену участковой избирательной комиссии для подготовки к рассмотрению дела о его немедленном отстранении, и необходимости предоставления ему возможности обратиться за юридической помощью, Конституционный Суд России в числе прочего указал, что члену участковой избирательной комиссии «в силу его прав и обязанностей понятна суть вменяемых ему нарушений избирательного законодательства, послуживших основанием для обращения избирательной комиссии с административным иском о его немедленном отстранении, и он способен само-

реальной связи» (абз. 7 п. 3.1 мотивировочной части постановления Конституционного Суда РФ от 04.10.2016 № 18-П // СЗ РФ. 2016. № 41. Ст. 5888).

²⁶ Абз. 2 п. 3 мотивировочной части определения Конституционного Суда РФ от 09.07.2024 № 1756-О // СПС «КонсультантПлюс».

²⁷ Например, в теории аргументации Р. Алекси подчеркивается, что аргументирующий «может высказывать только те оценочные или обязательные суждения в рамках конкретной ситуации, которые он готов выразить в тех же формулировках для всех ситуаций, сходных с первой, во всех соответствующих аспектах» (*Alexy R. A Theory of Legal Argumentation: The Theory of Rational Discourse as Theory of Legal Justification. Oxford : Oxford University Press, 2011. P. 190*).

²⁸ *MacCormick N. Rhetoric and the Rule of Law: A Theory of Legal Reasoning. Oxford : Oxford University Press, 2005. P. 21.*

²⁹ См. подробнее: *MacCormick N. Op. cit. P. 93–94.*

³⁰ Абз. 10 п. 2 мотивировочной части определения Конституционного Суда РФ от 28.12.2021 № 2964-О // СПС «КонсультантПлюс».

стоятельно в суде выразить свою позицию»³⁰. Однако данный довод может быть использован для обоснования ограничения права на получение квалифицированной юридической помощи фактически любого лица: водителю не нужен защитник в делах об административных правонарушениях, связанных с соблюдением правил дорожного движения, потому что он сдавал экзамен на знание этих правил; охотник не нуждается в юридической помощи при привлечении его к ответственности за незаконную охоту, ибо получал разрешение на добычу охотничьих ресурсов и знакомился с требованиями природоохранного законодательства. Еще более не нуждаются в юридической защите адвокаты и судьи, так как они являются носителями необходимых юридических знаний. Соответственно, можно констатировать, что подобный аргумент не отвечает требованиям универсализации, поскольку при попытке использовать его в сходных ситуациях он создает дополнительные конституционные риски, выступая, по сути, «отравленным» аргументом. Поэтому в силу критерия универсальности рассуждений осведомленность лица о его правах и обязанностях в той или иной сфере не может оправдывать ограничение права на квалифицированную юридическую помощь³¹.

К слову, в таком же русле рассуждал Верховный суд США, когда отвергал корректность введения права на аборт «через апеллирование к более широкому праву на автономию и определению своей «концепции существования» и отмечал, что «эти критерии, на высоком уровне обобщенности, могли бы обосновать основные права на недозволенное употребление наркотиков, проституцию и т.п.»³².

Анализ конституционно-судебной практики показывает, что универсальность рассуждений обеспечивается не только в материально-правовой, но и в процедурной плоскости. В частности, преследуя цель универсализации своих правовых позиций, Конституционный Суд Рос-

сии в ряде случаев расширяет предмет проверки, с тем чтобы обеспечить своим суждениям больший нормативный охват. Так, хотя фактические обстоятельства конкретного дела касались муниципального служащего, который столкнулся с изменением условий трудового договора о рабочем месте в связи с поручением ему работы в другой местности, Конституционный Суд России изначально оговорил и рассматривал конституционность нормы в контексте всех категорий работников³³. Или, например, несмотря на то что заявитель был уволен в связи с сокращением численности или штата работников организации, Конституционный Суд России указал на относимость своих рассуждений к ситуациям, когда трудовой договор расторгается в связи с ликвидацией организации³⁴. Такая же ситуация имела место, когда Конституционный Суд России столкнулся с нормами, регулирующими особенности оспаривания в рамках процедуры банкротства сделок, совершенных банком, однако ввиду общего характера рассматриваемого вопроса не стал ограничивать свои суждения узким субъектным составом³⁵.

Таким образом, критерий универсальности требует умения грамотно осуществлять нормативные обобщения и взвешенно экстраполировать рассуждения (аргументы) на сходные нормативные ситуации. Действительно, конституционно-судебная аргументация должна не только обеспечивать необходимую нормативную коррекцию, но и задавать правильный вектор развития права. То есть нужно не просто обозначить границы конституционно должного в конкретной ситуации, но и обеспечивать сопутствующий регулятивный эффект, выражающийся в выполнении аргументацией нормативно-ориентирующей функции. Для целей универсализации суждений необходимо четко объяснять, почему возникают расхождения между конституционными требованиями и проверяемыми нормативными положениями и в

³¹ Более подробный анализ этой проблемы с точки зрения качества аргументации см.: Чирнинов А. М. «Скорость нужна, а поспешность вредна»: конституционность механизма отстранения члена участковой избирательной комиссии // Конституционное и муниципальное право. 2024. № 1. С. 33–39.

³² U.S. Supreme Court. *Dobbs v. Jackson Women's Health Organization*. P. 218.

³³ Абз. 3 п. 1.3 описательной части постановления Конституционного Суда РФ от 27.04.2024 № 22-П // СЗ РФ. 2024. № 20. Ст. 2649.

³⁴ Абз. 2 п. 1.2 описательной части постановления Конституционного Суда РФ от 22.11.2024 № 54-П // СЗ РФ. № 49 (ч. V). Ст. 7719.

³⁵ Абз. 2 п. 1.2 описательной части постановления Конституционного Суда РФ от 03.02.2022 № 5-П // СЗ РФ. 2022. № 7. Ст. 1031.

чем конкретно эти расхождения выражаются, с тем чтобы любое лицо имело возможность дать самостоятельные конституционные оценки в иных нормативных ситуациях.

2. Точность диагностики действующего правового регулирования

Особенности данного критерия обусловлены тем, что состояние действующего правового регулирования в целом и оспариваемых нормативных положений в частности определяется в русле теоретической аргументации. Эти суждения не формируют конституционной модальности и не отражают эталонов, по которым происходит оценка конституционности нормативных положений.

Важность выделения рассматриваемого критерия связана с принципом справедливости конституционно-судебного разбирательства, из которого с необходимостью следует, что результатам правотворческой деятельности должна быть дана объективная оценка. Очевидно, что если в приводимых рассуждениях не будут учитываться какие-либо элементы нормативного контекста и это будет искажать истинное представление о содержании и качестве правовых предписаний, то это будет несправедливо по отношению к правотворческому органу. Поэтому орган конституционного правосудия не должен забывать ни одного значимого нормативного положения для конкретной правоприменительной ситуации, необходимо фиксировать реальное регулирующее воздействие как самой нормы, так и всей системы правового регулирования в целом. При этом здесь важно описывать и анализировать не только буквальный смысл нормативных положений, но и смысл, придаваемый им правоприменительной практикой. В связи с этим в обозначенной плоскости ключевым требованием становится точность установления параметров действующего правового регулирования.

В практике Конституционного Суда России были случаи, когда отдельные судьи не соглашались с тем, какие конституционно-судебные оценки давались нормативным положениям — прежде всего с точки зрения их регулятивного

значения. Например, судья В. Д. Зорькин считал необоснованным вывод о конституционности предписания «использовать все имеющиеся у государства средства», содержащегося в Указе Президента России от 09.12.1994 № 2166 «О мерах по пресечению деятельности незаконных вооруженных формирований на территории Чеченской Республики и в зоне осетино-ингушского конфликта», без исследования «фактической реализации данного Указа»³⁶. По его мнению, чтобы «понять реальный смысл, действие и последствия рассматриваемых» нормативных актов, нельзя ограничиваться буквальным смыслом нормативных положений и требуется анализировать их потенциал в право-реализационной плоскости³⁷.

Приведем еще один пример, который демонстрирует, почему важно корректно устанавливать содержание права. Как минимум это необходимо для того, чтобы орган конституционного правосудия выбрал правильный вариант реагирования на нормативный дефект (путем либо дисквалификации нормы, либо выявления ее конституционно-правового смысла) и не вторгнулся в прерогативы законодательной власти. Так, в одном из своих особых мнений судья Ю. М. Данилов указывал следующее: «Признав конституционно-правовую допустимость существования в уголовно-процессуальном законе такого основания для изменения территориальной подсудности уголовного дела, как наличие “экстраординарных” обстоятельств, и обнаружив отсутствие такового в Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации, Суд вправе был предложить законодателю восполнить имеющий конституционное значение пробел в правовом регулировании... На деле же Суд самостоятельно сконструировал ранее несуществующую правовую норму, выйдя при этом за пределы своей компетенции, а затем уже принялся выяснять ее конституционно-правовой смысл, признав при этом изобретенный “фантом” соответствующим Конституции Российской Федерации»³⁸.

Нередко встречаются ситуации, когда орган конституционного правосудия утверждает, что практика применения определенного нор-

³⁶ Абз. 2, 3 п. 3 особого мнения судьи В. Д. Зорькина по делу, по которому принято постановление Конституционного Суда РФ от 31.07.1995 № 10-П // СЗ РФ. 1995. № 33. Ст. 3424.

³⁷ Абз. 2, 3 п. 3 указанного особого мнения судьи В. Д. Зорькина.

³⁸ См.: особое мнение судьи Ю. М. Данилова по делу, по которому принято постановление Конституционного Суда РФ от 09.11.2018 № 39-П // СЗ РФ. 2018. № 47. Ст. 7316.

мативного положения сложилась³⁹. Однако в опровержение этого тезиса могут приводиться примеры судебных решений, которые свидетельствуют об отхождении правоприменителя от соответствующего понимания нормативного положения⁴⁰. Поэтому здесь могут возникать споры относительно того, образуют ли эти расходящиеся с генеральной правоприменительной линией судебные акты правовой массив, которого достаточно, чтобы констатировать противоречивость правоприменительной практики, либо же они представляют собой единичные правоприменительные ошибки, которые не делают соответствующей регулятивной погоды⁴¹.

В целом в рамках данного критерия необходимо оценивать, насколько точно описываются содержание и характер нормативных предписаний, определяется их место в системе действующего регулирования, излагаются правовые последствия наступления соответствующих юридических фактов, обозначаются гарантии, которые компенсируют правоограничения, оценивается способность нормативных положений достигать необходимых целей и т.д. В таком же русле требуется оценивать степень согласованности отдельных правовых институтов, которая может определяться и посредством анализа преследуемых ими целей⁴². Стоит обращать внимание и на правильность определения действия нормативных актов во времени, в пространстве и по кругу лиц. Немаловажной является и аргументация наличия конституци-

онно значимых пробелов в правовом регулировании либо констатация квалифицированного умолчания законодателя.

Целесообразно опираться на тенденции в области правового регулирования и оценивать, насколько последовательно действует правотворческий орган. В государствах, где эти тенденции играют ведущую роль в придании отдельным правам статуса основных, необходимо также учитывать, существует ли правовой консенсус по тому или иному вопросу, в том числе на уровне субъектов федерации⁴³.

Примечательно, что для целей диагностики правового регулирования огромное значение имеет фактор времени. Например, Конституционный Суд России обычно более лояльно относится к ситуациям, когда определенная проблема получает законодательное решение впервые, чем к тем, где между моментом создания правовой нормы и рассмотрением ее конституционности проходит много времени и накапливается соответствующий опыт⁴⁴.

Резюмируя, нужно подчеркнуть, что рассматриваемый критерий призван обеспечить объективное отношение к результатам правотворческой деятельности, что, в свою очередь, позволяет принимать обоснованные и беспристрастные решения. Очевидно, что игнорирование даже незначительных нормативных аспектов может привести к принятию ошибочного конституционно-судебного решения, так как в нем будут содержаться неверные оценки проверяемого предмета.

³⁹ См., например: абз. 3 п. 3.2 мотивировочной части постановления Конституционного Суда РФ от 23.05.2013 № 11-П // СЗ РФ. 2013. № 22. Ст. 2862.

В своей практике Конституционный Суд России нередко фиксирует наличие правоприменительной динамики. См., например: абз. 3 п. 4 мотивировочной части постановления Конституционного Суда РФ от 09.11.2022 № 48-П // СЗ РФ. 2022. № 47. Ст. 8304.

⁴⁰ «Практика их применения противоречива вопреки тому, что постановление от 23.05.2013 № 11-П определяет ее как достаточно единообразную» (абз. 8 п. 3 особого мнения судьи К. В. Арановского по делу, по которому принято постановление Конституционного Суда РФ от 23.05.2013 № 11-П).

⁴¹ См., например: абз. 3 п. 2 мнения судьи А. Н. Кокотова к определению Конституционного Суда РФ от 28.02.2019 № 317-О // СПС «КонсультантПлюс».

⁴² См.: Чирнинов А. М. Штраф уплачен [не] излишне: согласованность правовых институтов как конституционная ценность (на примере административно-деликтного права) // Сравнительное конституционное обозрение. 2022. № 5. С. 142.

⁴³ См., например: анализ законодательства штатов на наличие запретов на аборт к моменту признания права на аборт конституционным (U.S. Supreme Court. *Dobbs v. Jackson Women's Health Organization*. P. 249–250).

⁴⁴ См., например: абз. 2 п. 7 мотивировочной части постановления Конституционного Суда РФ от 26.09.2024 № 41-П.

3. Адекватность описания и осмысления социального контекста

Выделение данного критерия важно, поскольку социальный контекст, который влияет на оценку конституционности нормативных положений, формируется по правилам описательной и относительной аргументации, требующим соблюдения методологии их выстраивания. Как известно, «описательная аргументация концентрируется на споре о природе и определении вещей; относительная — на отношении между вещами»⁴⁵. В этом смысле рассматриваемый критерий очерчивает пространство сущего и объясняет, «чем является что-то»⁴⁶ в окружающем нас мире.

Прежде всего следует отметить, что в процессе рассуждений необходимо учитывать факторы, которые обуславливают применимость конституционных положений и помогают определить допустимые и необходимые варианты правового регулирования. Рассмотрим несколько примеров, когда описание социального контекста помогало определить контуры конституционно должного. Например, как уже отмечалось, низкая распространенность орфанных заболеваний, «высокая стоимость лекарственных средств от них» и их критичность для жизни и здоровья человека⁴⁷, будучи осмысленными через призму конституционных положений об охране государством человеческого достоинства и здоровья, стали основанием для вывода о необходимости создания резервного механизма обеспечения лекарственными средствами на федеральном уровне. Или, например, специфика противодействия антикоррупционным механизмам (наличие «изолированных и надежных способов конспирации

нелегального капитала»⁴⁸, трудность выявления коррупционных правонарушений ввиду их «повышенной латентности»⁴⁹, возможность активного противодействия виновных лиц⁵⁰, масштаб деструктивных последствий коррупции для общества и государства⁵¹ и т.д.) диктует необходимость установления длительных сроков исковой давности и даже допускает их отсутствие. В контексте принципа социального правового государства «современный уровень развития количественных и технических показателей транспортных средств, многократно увеличивающих их общественную опасность»⁵², обуславливает возможность и конституционную оправданность введения института обязательного страхования гражданской ответственности владельцев транспортных средств.

Социальный контекст необходим и для оценки эффективности (практической пользы) тех или иных правовых механизмов. Так, важность участия стороны защиты в допросе лица, заключившего досудебное соглашение о сотрудничестве, обоснована тем, что «с помощью вопросов можно обнаружить нестыковки и противоречия в изобличающих показаниях, нивелировать риски умалчивания важных деталей дела и добиться в конечном счете опровержения тезисов стороны обвинения»⁵³. Практика Европейского Суда по правам человека⁵⁴ позволяет добавить к этому, что «именно расспросы позволяют определить степень правдивости показаний, в частности путем наблюдения за эмоциональной реакцией человека и оценки его поведения в процессе ответа»⁵⁵.

Кроме того, обстоятельства, формирующие социальный контекст, позволяют обозначить целеполагание субъектов права, понять харак-

⁴⁵ Джонсон С. Л. Как побеждать в дебатах: пособие по Британскому (Всемирному) формату парламентских дебатов. Нью-Йорк, Лондон, Амстердам : IDEA, 2012. С. 38.

⁴⁶ Джонсон С. Л. Указ. соч.

⁴⁷ Абз. 1 п. 7.3 мотивировочной части постановления Конституционного Суда РФ от 26.09.2024 № 41-П.

⁴⁸ Абз. 4 п. 5.1 мотивировочной части постановления Конституционного Суда РФ от 31.10.2024 № 49-П.

⁴⁹ Абз. 1 п. 3.2 мотивировочной части постановления Конституционного Суда РФ от 31.10.2024 № 49-П.

⁵⁰ Абз. 1 п. 5 мотивировочной части постановления Конституционного Суда РФ от 31.10.2024 № 49-П.

⁵¹ Абз. 3 п. 5.3 мотивировочной части постановления Конституционного Суда РФ от 31.10.2024 № 49-П.

⁵² Абз. 3 п. 2.1 мотивировочной части постановления Конституционного Суда РФ от 31.05.2005 № 6-П // СЗ РФ. 2005. № 23. Ст. 2311.

⁵³ Чирнинов А. М. «Молчание — золото?»: конституционность отказа лица, заключившего досудебное соглашение о сотрудничестве, отвечать на вопросы стороны защиты // Сравнительное конституционное обозрение. 2023. № 1 (152). С. 176.

⁵⁴ См.: постановление Европейского Суда по правам человека от 23.04.1997 по делу «Ван Мехелен и другие против Нидерландов» (Van Mechelen and Others v. the Netherlands). § 62.

⁵⁵ Чирнинов А. М. «Молчание — золото?»... С. 176.

тер их потребностей, действенность соответствующих стимулов и т.д. Конституционный Суд России привел исчерпывающее объяснение, почему борьба с коррупцией требует жестких мер: «Поскольку именно незаконное обогащение является конечной целью совершения деяния коррупционной направленности, государство обязано принимать такие меры, которые любую попытку достигнуть подобной цели делали бы бессмысленной и бесперспективной»⁵⁶.

Корректное конструирование социального контекста также важно, чтобы понять, насколько реалистично выполнить определенные обязанности. Например, в своей жалобе в Конституционный Суд России один из заявителей акцентировал внимание на том, что действующая модель регулирования зачастую не позволяет даже успеть явиться на судебное заседание, и приводил примеры, когда суды признавали надлежащим извещение членов участковой избирательной комиссии о рассмотрении дела об их немедленном отстранении «за 43 минуты⁵⁷, за 30 минут⁵⁸, за 15 минут⁵⁹, а в одном случае — даже за 6 минут⁶⁰ до начала судебного заседания»⁶¹. В конкретном деле заявителю требовался один час и 13 минут, чтобы добраться от участковой избирательной комиссии до здания районного суда на общественном транспорте, притом что его известили о намечающемся судебном заседании за 30 минут до начала⁶². При желании эти обстоятельства могут послужить основанием для формулирования правовой позиции о необходимости при назначении времени судебного заседания учитывать географический контекст, то есть «расстояние между избирательной комиссией

и судом, а также уровень транспортной доступности»⁶³ в определенной местности. В практике Конституционного Суда России возникали ситуации, когда конституционная упречность проверяемой нормы связывалась с тем, что лицу вменялась обязанность, которую было невозможно выполнить⁶⁴.

В этом плане крайне важно в приводимой аргументации указывать и описывать «все существенные характеристики объекта»⁶⁵ или явления, фиксировать значимые особенности рассматриваемых отношений, обозначать специфику предмета регулирования и т.д. В связи с тем, что здесь отражение находит фактическая сторона дела, нужно помнить о рисках манипуляции данными, искажения определенных фактов, преувеличения или преуменьшения значения отдельных факторов и обстоятельств и т.д.

Вместе с тем не должны быть проигнорированы имеющие существенное значение обстоятельства. Нередко аргументация, приведенная относительно конституционности нормативного положения, критикуется на том основании, что аргументирующий не принял во внимание важного соображения и тем сам проигнорировал конституционно значимый интерес. Например, подвергая критике тезис о возможности придания праву на аборт статуса основного права, судьи Верховного суда США упрекнули своих предшественников в том, что они хотя и упомянули наличие у государства публичного интереса, заключающегося в защите потенциальной жизни нерожденного ребенка, но никак не объяснили свой вывод о том, что «этот интерес не может оправдывать каких-либо ограничений на проведение абортов до наступления жизнеспособности плода»⁶⁶.

⁵⁶ Абз. 1 п. 3 мотивировочной части постановления Конституционного Суда РФ от 31.10.2024 № 49-П.

⁵⁷ См., например: апелляционное определение Санкт-Петербургского городского суда от 23.10.2019 № 33а-25053/2019 по делу № 2а-8168/2019.

⁵⁸ См., например: апелляционное определение Санкт-Петербургского городского суда от 02.12.2019 по делу № 33а-25046/2019.

⁵⁹ Апелляционное определение Судебной коллегии по административным делам Санкт-Петербургского городского суда от 05.06.2018 по делу № 33а-10523/2018.

⁶⁰ Апелляционное определение Судебной коллегии по административным делам Верховного Суда Республики Башкортостан от 23.09.2019 по делу № 33а-19258/2019.

⁶¹ Чирнинов А. М. «Скорость нужна, а поспешность вредна»...

⁶² Чирнинов А. М. «Скорость нужна, а поспешность вредна»...

⁶³ Чирнинов А. М. «Скорость нужна, а поспешность вредна»...

⁶⁴ См.: абз. 3 п. 4.3 мотивировочной части постановления Конституционного Суда РФ от 17.05.2021 № 19-П // СЗ РФ. 2021. № 22. Ст. 3912.

⁶⁵ Джонсон С. Л. Указ. соч. С. 40.

⁶⁶ U.S. Supreme Court. *Dobbs v. Jackson Women's Health Organization*. P. 228.

Отдельным требованием рассматриваемого критерия является, как показывает анализ конституционно-судебной практики, относимость приводимых утверждений к рассматриваемому социальному контексту. Эти утверждения должны описывать реальное состояние дел в конкретном правовом порядке и не быть умозрительными. Так, если орган конституционного правосудия утверждает, что заявляемые конституционные риски нивелируются определенными гарантиями, то эти гарантии должны быть осязаемыми и иметь место в реальной практике⁶⁷. В противном случае защита конституционного порядка будет носить лишь иллюзорный и декларативный характер.

В целом рассматриваемый критерий предполагает, что должен быть адекватно описан социальный контекст, четко обозначены затронутые интересы и последовательно охарактеризовано состояние соответствующей сферы общественных отношений, в том числе его динамика. Поскольку в указанном контексте суждения касаются в основном фактов, то главными свойствами становятся их объективность и полнота. В конечном счете как отдельные утверждения о фактах, так и сформулированные на их основе выводы должны соответствовать действительности и иметь необходимую доказательную базу.

Нужно обращать особое внимание на адекватность выводов. Ввиду того что в данной плоскости определяются «взаимосвязи, существующие между вещами», и приводятся суждения «о причинно-следственных связях»⁶⁸, здесь действуют каноны относительной аргументации. Поэтому основным требованием становится корректность формулируемых

выводов и их обусловленность объективными характеристиками рассматриваемого явления. В связи с этим важно продемонстрировать причины и предпосылки, в силу которых, по мнению аргументирующего, предполагаемые поведенческие эффекты будут иметь место⁶⁹.

Безусловно, подобные выводные знания во многом основываются на прогнозах, так как ожидаемые события должны произойти в будущем. Поэтому, разумеется, существует риск, что прогнозы не оправдаются, а высказанные суждения будут в итоге опровергнуты. Действительно, в относительной аргументации присутствуют в немалом количестве утверждения, которые носят характер предположения и требуют проверки опытным путем. Однако тот, кто выдвигает аргументы, должен стремиться привести доводы и представить доказательства, которые помогут укрепиться во мнении, что определенные события и факты наступят либо не наступят⁷⁰.

Должное внимание следует уделять точности проведения аналогий между явлениями и предметами, когда речь заходит о применении тех или иных подходов к соответствующим отношениям. Необходимо тщательно проверять, насколько эти явления и предметы сходны между собой, обладают ли они общими характеристиками и действительно ли признаки, выбранные для сравнения, являются существенными⁷¹.

Таким образом, ключевыми требованиями рассматриваемого критерия становятся полнота, предметность, объективность и достоверность утверждений относительно социального контекста. Эти утверждения должны быть эмпирически проверяемыми и основанными на

⁶⁷ Например, в контексте обнуления президентских сроков Конституционный Суд России указал, что гарантиями надлежащей реализации принципа демократического государства и республиканской формы правления выступают «развитый парламентаризм, реальная многопартийность, наличие политической конкуренции, эффективная модель разделения властей, снабженная системой сдержек и противовесов, а также обеспечение прав и свобод независимым правосудием» (абз. 5 п. 6.2 мотивировочной части заключения Конституционного Суда РФ от 16.03.2020 № 1-3 // СЗ РФ. 2020. № 12. Ст. 1855).

⁶⁸ Джонсон С. Л. Указ. соч. С. 41.

⁶⁹ Джонсон С. Л. Указ. соч. С. 44.

⁷⁰ Например, Конституционный Суд России приводил детальное обоснование, почему в рамках действовавшего на соответствующий период правового регулирования граждане с большой долей вероятности не смогут «в день голосования воспользоваться открепительным удостоверением», особенно на муниципальных выборах (абз. 5 п. 3.2 мотивировочной части постановления Конституционного Суда РФ от 15.04.2014 № 11-П // СЗ РФ. 2014. № 16. Ст. 1922).

⁷¹ Кутафин О. Е. Пробелы, аналогия и дефекты в конституционном праве // Lex russica (Русский закон). 2007. Т. 66. № 4. С. 619 ; Walton D. *Methods of Argumentation*. New York, NY : Cambridge University Press, 2013. P. 126–130.

авторитетных источниках знания и осведомленности. Недаром один из факторов, обеспечивающих качество аргументации, — надежность источников, из которых черпаются аргументы⁷².

4. Приемлемость аргументов для конституционного дискурса

Данный критерий имеет большое значение, поскольку позволяет понять, какие аргументы можно в принципе использовать для оценки конституционности нормативного положения, а какие — нет.

Каким бы убедительным и информативным ни был аргумент, может оказаться, что его использование противоречит представлениям о том, как допустимо обосновывать конституционно-судебные решения. При этом, как показывает анализ иных правопорядков, подходы к легитимности тех или иных аргументов для конституционного дискурса во многом вырабатываются самой конституционно-судебной практикой и характеризуются динамичностью, связанной с методологическими установками судей, их мировоззрением и профессиональными предпочтениями.

Рассмотрим некоторые примеры. Вплоть до конца 1970-х гг. в американском правопорядке существовал консенсус относительно допустимости использования материалов законодательного процесса для выявления смысла нормативных положений⁷³. Любопытно, что с 1938 по 1979 г. произошел значительный рост цитирований материалов законодательного процесса в решениях Верховного суда США (с 19 до 405)⁷⁴.

Вместе с тем с конца 1980-х гг. под влиянием судей, исповедующих философию текстуализма, интенсивность обращения Верховного суда США к материалам законодательного процесса планомерно снижалась. Отвергая допустимость обращения к этим материалам, судья А. Скалиа последовательно настаивал на том, что правовой смысл проверяемых положений должен черпаться из нормативного текста, поскольку

обращение к внешним материалам искажает действительное волеизъявление правотворческого органа, которое в идеале должно выражаться исключительно через авторитетный текст. В целом его позиция состояла в том, что задача судей — «толковать законы, а не реконструировать намерения законодателей»⁷⁵. Как отмечается в литературе, в первые годы своей карьеры в Верховном суде США судья А. Скалиа принципиально отказывался присоединяться к мнению большинства, если оно содержало ссылки на материалы законодательного процесса⁷⁶.

Понятно, что не все судьи разделяют такую радикальную позицию. Поэтому более умеренный подход может заключаться в дифференциации аргументативного веса разновидностей материалов законодательного процесса путем выстраивания ее иерархии. Например, можно придавать больший вес сопроводительным документам (пояснительным запискам, заключениям комитетов) и не обращать внимания на суждения, высказанные в ходе парламентских дискуссий и слушаний в комитетах. Как образно выразился судья С. Брайер, противники обращения к материалам законодательного процесса «не должны осуждать ее использование полностью. Они должны ограничить свою атаку окраинами и оставить цитадель в покое»⁷⁷. Разумеется, в разных правопорядках подходы могут различаться в зависимости от особенностей парламентской процедуры и ценностных установок судей.

Отдельный вопрос, который стоит обсудить в свете приемлемости аргументов для конституционного дискурса, — это источники, которые могут использоваться при конструировании аргумента к намерениям конституционного законодателя. Какие материалы могут применяться для выявления таких намерений? Здесь возможны споры относительно авторитетности источников — как с точки зрения определения субъектов конституционного процесса, чья воля должна учитываться, так и с точки зрения мате-

⁷² См. подробнее: *Hahn U., Harris A. J. L., Corner A.* Argument Content and Argument Source: An Exploration // *Informal Logic*. Vol. 29. 2009. № 4. P. 337–367.

⁷³ *Benjamin S. M., Renberg K. M.* The Paradoxical Impact of Scalia's Campaign Against Legislative History // *Cornell Law Review*. Vol. 105. 2019. P. 1025–1026.

⁷⁴ *Carro J. L., Brann A. R.* The U.S. Supreme Court and the Use of Legislative Histories: A Statistical Analysis // *Jurimetrics*. Vol. 22. 1982. No. 3. P. 303.

⁷⁵ Цит. по: *Benjamin S. M., Renberg K. M.* Op. cit.

⁷⁶ *Benjamin S. M., Renberg K. M.* Op. cit. P. 1035–1036.

⁷⁷ Цит. по: *Benjamin S. M., Renberg K. M.* Op. cit. P. 1040.

риалов, которые допустимо анализировать для соответствующих целей⁷⁸.

Далее, как известно, для оценки соблюдения принципа соразмерности ограничения основных прав и свобод необходимо, среди прочего, устанавливать цель спорного регулирования. В этом аспекте не исключены расхождения относительно того, какие аргументы могут использоваться для ее определения. Один подход подразумевает, что нужно учитывать только нормативный текст⁷⁹, другой — контекст принятия того или иного нормативного положения (включая поведение и высказывания нормотворца)⁸⁰, третий подход предлагает оценивать только фактическое регулятивное воздействие, которое оказывает спорная норма⁸¹.

Важной может оказаться и глубина политико-правовых рассуждений. Так, оценивая качество аргументации своих предшественников по делу *Roe v. Wade*, Верховный суд США отметил, что нормативная «схема, которая была разработана в деле *Roe*, выглядела как закон, и Суд предоставил такие разъяснения, которые можно было бы ожидать от законодательного органа»⁸². В этом смысле подобный упрек возникает в ситуациях, когда орган конституционного правосудия выходит за пределы своей конституционно-контрольной функции и начинает заниматься нормотворчеством. Характерный признак этого — отсутствие подкрепления предлагаемых нормативных тезисов существующими конституционными и производными от них положениями.

В рамках конституционного правосудия серьезной критике подвергается обращение

(прежде всего неумелое) к сравнительно-правовому аргументу⁸³. Понятно, что в одних правовых порядках допускается прямое обращение к зарубежному опыту (например, в ЮАР), тогда как в других такая возможность особо не артикулируется или даже отрицается⁸⁴. В целом легитимность сравнительно-правового аргумента зависит от того, с какой целью происходит апеллирование к зарубежному опыту (для более глубокого понимания смысла конституционных положений, определения современных тенденций развития правового порядка, прогнозирования последствий принятия того или иного нормативного подхода, нахождения альтернативных вариантов решения конституционной проблемы и т.д.) и как это влияет на вывод о конституционности проверяемой нормы.

Легитимность аргументов может увязываться и с диагностикой состояния правового регулирования. Могут возникать споры относительно того, какого уровня судебные акты формируют правоприменительную практику и какими должны быть их количественные характеристики⁸⁵. Например, при рассмотрении вопроса о возможности принятия жалоб граждан к рассмотрению в 2019 г. судья А. Н. Кокотов предлагал исходить из того, что решения Верховного Суда России по конкретному делу может быть достаточно, чтобы констатировать сложившееся правоприменительное обыкновение⁸⁶. Любопытно, что в 2020 г. в ст. 74 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации»⁸⁷ было внесено изменение и уточнено, что правовая норма может быть проверена по смыслу,

⁷⁸ Huhn W. Five Types of Legal Argument. 3rd ed. Durham, North Carolina : Carolina Academic Press, 2014. Chapter 12 : Intra-Type Attacks on Intent Arguments, para. 11–12, 17–18.

⁷⁹ U.S. Supreme Court. *Trump v. Hawaii*. 585 U.S. 667 (June 26, 2018) // United States Supreme Court Reports. Vol. 585. 2018. P. 706 («В тексте (спорного указа. — А. Ч.) ничего не говорится о религии»).

⁸⁰ U.S. Supreme Court. *Trump v. Hawaii*. 585 U.S. 667 (June 26, 2018) (Sotomayor, J., dissenting). P. 737–740.

⁸¹ Привод. по: Nelson C. Judicial Review of Legislative Purpose // New York University Law Review. Vol. 83. 2008. No. 6. P. 1854.

⁸² U.S. Supreme Court. *Dobbs v. Jackson Women's Health Organization*. P. 274.

⁸³ Блохин П. Д. Умножение сущностей: обращение Конституционного Суда РФ к международной (зарубежной) судебной практике // Вестник исполнительного производства. 2021. № 3. С. 9.

⁸⁴ Jakab A. Op. cit. P. 1253.

⁸⁵ Гаджиев Г. А., Блохин П. Д. О функциональном назначении части 2 статьи 74 Закона о Конституционном Суде РФ и ее взаимосвязи с требованием исчерпания средств судебной защиты // Журнал Конституционного правосудия. 2022. № 5. С. 3.

⁸⁶ Абз. 4 п. 2 мнения судьи А. Н. Кокотова к определению Конституционного Суда РФ от 28.02.2019 № 317-О.

⁸⁷ Федеральный конституционный закон от 21.07.1994 № 1-ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации» // СЗ РФ. 1994. № 13. Ст. 1447.

придаваемому ей толкованием в решениях по конкретному делу⁸⁸.

Если говорить про формирование представлений о релевантном социальном контексте, то определенные требования могут предъявляться и к тому, посредством каких доказательств можно подтверждать те или иные факты, влияющие на оценку конституционности нормативных положений⁸⁹. В этом смысле требования допустимости могут раскрываться в двух направлениях. С одной стороны, в практике конституционного правосудия может быть сформирован подход, требующий, чтобы конкретного рода факты подтверждались определенными доказательствами. С другой стороны, могут раскрываться доказательственные возможности конкретных средств доказывания (например, заключения эксперта⁹⁰).

Таким образом, критерий приемлемости (допустимости) аргументов становится значимым методологическим аспектом обоснования конституционно-судебных решений и крайне важным параметром, влияющим на процесс формирования конституционного дискурса. Это критерий определяет, какие аргументативные средства допустимо использовать для формирования представлений о конституционно должном, нормативно наличествующем и сущем. При этом, как показывает анализ, соответствующие подходы формируются и фиксируются преимущественно самой практикой конституционного правосудия и поэтому имеют достаточно подвижный характер.

5. Полнота (защищенность) аргументации

Данный критерий связан с диалоговым характером конституционно-судебной аргументации. Если спорящие стороны формулируют

тезисы, которые не совместимы с ранее выраженными суждениями о конституционном должном либо их модифицируют, то орган конституционного правосудия должен отреагировать на них, обосновав их ошибочность либо неприменимость к рассматриваемой ситуации. Если же приводятся возражения в плоскости нормативно наличествующего и сущего, то на это также должна последовать аргументативная реакция. Кроме того, суду необходимо действовать на опережение и работать с возможными, гипотетическими или напрашивающимися возражениями. Неслучайно важнейшим показателем качества аргументов выступает их способность противостоять критике⁹¹ и «под состоятельностью позиции понимается ее способность поддержать точку зрения аргументами и отстоять ее перед лицом критики посредством контраргументов других участников спора»⁹².

Оставление аргументов без должной реакции способно породить недоверие к суду и создать впечатление, что позиция оппонента игнорируется, несмотря на то что является верной и обоснованной. Более того, орган конституционного правосудия должен использовать возражения, чтобы, напротив, усилить собственную позицию, продемонстрировав несостоятельность противоположных утверждений. Это важно и с точки зрения демонстрации готовности к диалогу, поскольку лица, участвующие в деле, начинают видеть, что их аргументы были услышаны и оценены. В этом смысле стоит положительно оценить подход в аргументации, когда большинство судей, принявшее итоговое конституционно-судебное решение, дает оценки суждениям, излагаемым в особых мнениях судей, оставшихся в меньшинстве, а также аргументации, приведенной

⁸⁸ Федеральный конституционный закон от 09.11.2020 № 5-ФКЗ «О внесении изменений в Федеральный конституционный закон “О Конституционном Суде Российской Федерации”» // СЗ РФ. 2020. № 46. Ст. 7196.

⁸⁹ См. подробнее: Чирнинов А. М. Понятие и свойства конституционно-судебных доказательств (на примере России и США) // Труды по сравнительному конституционному праву : коллективная монография к юбилею профессора М. С. Саликова / И. Ю. Крылатова, С. С. Кузнецова, А. В. Нечкин [и др.]. Екатеринбург : Изд-во УМЦ УПИ, 2022. С. 64–83.

⁹⁰ См., например: Сивицкий В. А. Перспективы института экспертного заключения в конституционном судопроизводстве в свете нового правового регулирования // Журнал Конституционного правосудия. 2022. № 3. С. 1–11.

⁹¹ Лисанюк Е. Н. Поиск и отбор решений спора в аргументации // Двенадцатые Смирновские чтения : материалы Междунар. науч. конф., г. Москва, 24–26 июня 2021 г. / редкол.: О. М. Григорьев, Д. В. Зайцев, Ю. В. Ивлев [и др.] ; отв. ред. В. И. Маркин. М. : Русское общество истории и философии науки, 2021. С. 280–281.

⁹² Лисанюк Е. Н. Логико-когнитивная теория аргументации : дис. ... д-ра филос. наук. СПб., 2015. С. 24.

лицами, участвующими в деле, и так называемыми друзьями суда⁹³. Следует отметить, что в п. 9 ч. 1 ст. 75 Закона «О Конституционном Суде РФ» уже включено предписание, согласно которому решение суда должно при необходимости содержать «доводы, опровергающие утверждения сторон».

В этом плане можно приветствовать подход Конституционного Суда России, который он использовал при проверке положений Закона РФ о поправке к Конституции РФ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти»⁹⁴. Нужно напомнить, что в отсутствие формальной противоположной стороны по делу Конституционный Суд России принял решение «самостоятельно, в том числе на основе мониторинга дискуссии в средствах массовой информации и в сети Интернет, а также с учетом общественной значимости определить те положения, оценка которых требует более развернутого выражения его позиции»⁹⁵. Любопытно, что в подобных ситуациях некоторые органы конституционного правосудия по своей инициативе назначают независимое лицо, имеющее необходимый опыт и юридическую подготовку, представителем соответствующей стороны и возлагают обязанность привести аргументы против либо в защиту конституционности того или иного нормативного положения⁹⁶. Это делается для того, чтобы обеспечить состязательность конституционно-судебного процесса и должным образом отреагировать на аргументацию стороны.

В американской практике конституционного правосудия качество аргументации (англ.: *quality of reasoning*), в частности работа с поступившими возражениями, выступает одним из критериев, по которым принимается решение о пересмотре ранее принятого прецедента, в том числе имеющего конституционный статус. Так, Верховный суд США, проводя ревизию конститу-

ционно-судебного решения, признавшего право на аборт, указал, что в ходе его обоснования не было предпринято даже попытки продемонстрировать связи между конституционно-судебным предписанием и конституционным текстом, историей и прецедентами⁹⁷. Кроме того, проведенный судом исторический анализ оказался субъективным и крайне выборочным, что выразилось, среди прочего, в игнорировании существенного обстоятельства, а именно — истории развития общего права в части криминализации абортов⁹⁸. Наконец, судом была проведена некорректная аналогия с ранее выявленными основными правами (право на вступление в брак с лицом другой расы, право на вступление в брак в случае нахождения в заключении, право на приобретение противозачаточных средств, право на принятие решений относительно образования своих детей и т.д.), поскольку не было учтено, что аборт приводит «к уничтожению потенциальной жизни»⁹⁹ и потому его проведение не является реализацией безобидного права.

Существует еще одно соображение по поводу того, почему на аргументы противоположной стороны должны последовать соответствующие возражения. Дело в том, что неотработанные аргументативные выпады оставляют пространство для реализации немонотонности конституционно-судебной аргументации и пересмотра ранее выраженных позиций. Поэтому не исключена вероятность отмены даже конституционно желательного нормативного решения ввиду его формальной недообоснованности. В самом деле, если бы для придания праву на аборт статуса основного была выбрана иная линия аргументации и не использовались сомнительные (нелегитимные) аргументы, то по соображениям последовательности регулирования пересмотр спорного конституционно-судебного решения мог и не состояться.

Приведем пример ситуации, в которой орган конституционного правосудия не отвечает на

⁹³ Такой подход встречается, например, в практике верховных судов США, Канады и Израиля. См. подробнее: Чирнинов А. М. Влияние процедурных особенностей конституционного контроля на стиль аргументации: сравнительное исследование // *Право и политика*. 2020. № 9. С. 41.

⁹⁴ Закон РФ о поправке к Конституции РФ от 14.03.2020 № 1-ФКЗ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти» // *СЗ РФ*. 2020. № 11. Ст. 1416.

⁹⁵ Заключение Конституционного Суда РФ от 16.03.2020 № 1-3.

⁹⁶ См. подробнее: Shaw K. Friends of the Court: Evaluating the Supreme Court's Amicus Invitations // *Cornell Law Review*. Vol. 101. 2016. No. 6. P. 1565–1568.

⁹⁷ U.S. Supreme Court. *Dobbs v. Jackson Women's Health Organization*. P. 270–271.

⁹⁸ U.S. Supreme Court. *Dobbs v. Jackson Women's Health Organization*. P. 272.

⁹⁹ U.S. Supreme Court. *Dobbs v. Jackson Women's Health Organization*. P. 256–257.

аргументы заявителя и тем самым оставляет пространство для оспаривания нормативного положения в будущем. Как известно, Конституционный Суд России констатировал допустимость подхода, позволяющего не возвращать лицу половину суммы административного штрафа, уплаченного не позднее 20 дней со дня вынесения постановления о наложении штрафа (ч. 1.3 ст. 32.2 КоАП РФ) в случае, когда в последующем размер штрафа снижен судом до половины его минимального размера в порядке, предусмотренном частями 2.2 и 3.2 ст. 4.1 КоАП РФ, не усмотрев в этом подходе нарушения принципа равенства всех перед законом и судом¹⁰⁰. При этом в определении суда не опровергнут довод о том, что оспариваемые нормы закона ставят граждан в неравное положение в зависимости от того, какими правовыми средствами лицо добивается снижения административного штрафа до половины его минимального размера.

Рассуждения лица, оспаривающего конституционность такого подхода, звучат следующим образом: «Снижение административного штрафа до половины его минимального размера может осуществляться не только в судебном, но и в административном порядке. При этом если суд обязан рассмотреть соответствующую жалобу в двухмесячный срок со дня ее поступления (ч. 2 ст. 30.5 КоАП РФ), то вышестоящему должностному лицу на это отводится 10 дней (ч. 1 ст. 30.5 КоАП РФ). Следовательно, лица, использующие административный порядок обжалования, ставятся в более привилегированное положение, чем лица, которые обращаются за судебной защитой, поскольку они успевают добиться снижения штрафа до половины его минимального размера еще до истечения

20-дневного периода уплаты штрафа в льготном (половинном) размере и поэтому могут рассчитывать на осязаемый правовой результат»¹⁰¹. Объективное оправдание такой дифференциации найти трудно, что свидетельствует о конституционной упречности оспариваемого нормативного подхода.

С точки зрения реализации критерия полноты конституционно-судебной аргументации нужно положительно оценить внесенные в регламент Конституционного Суда России изменения в части возможности судей задавать вопросы приглашенным лицам. Если раньше такая возможность не предполагалась¹⁰², то начиная с 2023 г. судьи наделены этим правом¹⁰³. Таким же правом с разрешения Конституционного Суда России могут воспользоваться стороны и эксперты¹⁰⁴. Практическая польза от этой возможности состоит в том, что именно в ходе ответа на вопросы происходит содержательный обмен мнениями и аргументами, что позволяет глубже раскрыть вопрос и в случае необходимости скорректировать позицию или даже отказаться от нее.

Кроме того, с января 2024 г. Конституционный Суд России начал размещать на своем официальном сайте информацию о принятых к рассмотрению обращения с обозначением проблематики рассматриваемых дел¹⁰⁵ (правда, пока в довольно абстрактной форме, с указанием реквизитов (часть, статья, нормативный акт) и спорного вопроса: «*обеспечение гарантии оплаты труда не ниже МРОТ при работе на условиях неполного рабочего времени*», «*солидарное взыскание с жильцов коммунальной квартиры задолженности по оплате электроэнергии*»¹⁰⁶), что также способствует

¹⁰⁰ Определение Конституционного Суда РФ от 20.05.2021 № 880-О // СПС «КонсультантПлюс».

¹⁰¹ Чирнинов А. М. Штраф уплачен [не] излишне... С. 148.

¹⁰² Редким исключением стало слушание дела о проверке дела о проверке конституционности п. 1 ст. 23 Федерального закона «О международных договорах Российской Федерации», когда возможность задать вопрос представителю МИД России с учетом «неординарности дела» была предоставлена судьям С. П. Маврину и С. Д. Князеву. См.: видеозапись заседания Конституционного Суда РФ от 13.03.2012, 01:18:18-01:33:55 // URL: <https://medias.ksrf.ru/archive/20120313.mp4/embed.html> (дата обращения: 18.01.2025).

¹⁰³ Решение Конституционного Суда РФ от 23.03.2023 «О внесении изменений в Регламент Конституционного Суда Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

¹⁰⁴ Решение Конституционного Суда РФ от 23.03.2023 «О внесении изменений в Регламент Конституционного Суда РФ».

¹⁰⁵ См., например: 18 января 2024 года обновлен список обращений, принятых Конституционным Судом РФ к рассмотрению // URL: <https://ksrf.ru/ru/News/Pages/ViewItem.aspx?ParamId=3802> (дата обращения: 18.01.2025).

¹⁰⁶ Официальный сайт Конституционного Суда РФ. URL: <https://www.ksrf.ru/ru/News/Pages/ViewItem.aspx?ParamId=3912> (дата обращения: 18.01.2025).

открытости конституционно-судебного процесса. Дальнейшим шагом может стать опубликование с согласия заявителей текста обращений в органы конституционного правосудия и иных процессуальных документов¹⁰⁷, что создаст предпосылки для подачи содержательно насыщенных и должным образом аргументированных инициативных заключений, которые не выходили бы за рамки предмета рассматриваемых дел. Например, при принятии обращения к рассмотрению Верховный суд США обозначает правовые вопросы, которые ему предстоит решить, и тем самым сразу же задает аргументационное поле. В частности, по тому же делу об абортах на обсуждение был вынесен, среди прочего, вопрос о том, «являются ли все запреты на аборты до достижения жизнеспособности плода неконституционными»¹⁰⁸.

Таким образом, критерий полноты (защищенности) аргументации предполагает, что правила судопроизводства должны быть сконструированы так, чтобы все заинтересованные лица имели возможность выразить свои доводы о конституционности нормативных положений и получить от суда соответствующую реакцию. Аргументация может быть признана защищенной, если будет продемонстрировано, что в свете озвученных аргументов необходимость в модификации позиции, формулируемой органом конституционного правосудия, отсутствует, и в подтверждение этого приведено соответствующее обоснование.

Заключение

Проведенное исследование показало, что использование тезиса о необходимости посредством аргументации усиливать конституционную нормативность позволяет сформулировать ряд важных требований к формированию конституционного дискурса. Учитывая суть и предназначение конституционного нормоконтроля, можно выделить следующие критерии для оценки конституционно-судебной аргументации:

— *конституционная обусловленность утверждений о конституционно должном*

(удовлетворяется в случае выводимости конституционно-судебных предписаний из конституционных положений, а также последовательности и универсальности рассуждений);

— *точность диагностики действующего правового регулирования* (выполняется в случае фиксации всех значимых элементов нормативного порядка и при корректном конструировании правового контекста);

— *адекватность описания и осмысления социального контекста* (соблюдается при обеспечении полноты, предметности, объективности и достоверности утверждений, формирующих представления о фактических условиях реализации конституционных положений и проверяемых норм);

— *приемлемость аргументов для конституционного дискурса* (удовлетворяется в случае оперирования источниками, относительно которых в практике конституционного правосудия сложился консенсус в части допустимости их использования для составления суждений о конституционно должном, нормативно наличествующем и сущем);

— *полнота (защищенность) аргументации* (выполняется при учете лицами, принимающими конституционно-судебное решение, критики, в том числе потенциальной, а также при выражении ответной аргументативной реакции на поступающие возражения).

В завершение можно зафиксировать определенную связь между критериями оценки конституционно-судебной аргументации и типами аргументов, которые используются для выстраивания конституционного дискурса. Например, текстуальный и интенциональный аргументы непосредственно обеспечивают выводимость конституционно-судебных предписаний из конституционных положений, а аргумент к последовательности и прагматический аргумент помогают дать более точные оценки качеству правового регулирования и адекватнее обозначить социальный контекст. Всё это свидетельствует о системности и логичной связности предлагаемой концептуализации конституционно-судебной аргументации.

¹⁰⁷ Например, на официальном сайте Верховного суда США размещаются все процессуальные документы по делу. URL: <https://www.supremecourt.gov/search.aspx?filename=/docket/docketfiles/html/public/19-1392.html> (дата обращения: 13.02.2025).

¹⁰⁸ Официальный сайт Верховного суда США. URL: <https://www.supremecourt.gov/qp/19-01392qp.pdf> (дата обращения: 13.02.2025).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Блохин П. Д. Обоснование по аналогии в конституционно-правовых спорах // Аргументация в праве и морали : кол. монография / под ред. Е. Н. Лисанюк. СПб. : Алеф-Пресс, 2018. С. 212–224.
- Блохин П. Д. Умножение сущностей: обращение Конституционного Суда РФ к международной (зарубежной) судебной практике // Вестник исполнительного производства. 2021. № 3. С. 6–13.
- Брюшинкин В. Н. Достоинства и недостатки логического подхода к моделированию аргументации // Вестник Балтийского федерального университета имени И. Канта. Серия «Гуманитарные и общественные науки». 2010. № 12. С. 96–105.
- Гаджиев Г. А., Блохин П. Д. О функциональном назначении части 2 статьи 74 Закона о Конституционном Суде РФ и ее взаимосвязи с требованием исчерпания средств судебной защиты // Журнал конституционного правосудия. 2022. № 5. С. 1–6.
- Джонсон С. Л. Как побеждать в дебатах: пособие по Британскому (всемирному) формату парламентских дебатов. Нью-Йорк ; Лондон ; Амстердам : IDEA, 2012. 240 с.
- Должиков А. В. «Рукописи не горят»: неписанные права в конституционном правосудии // Сравнительное конституционное обозрение. 2014. № 1 (98). С. 120–137.
- Ивлев Ю. В. Основы логической теории аргументации // Логические исследования. 2003. № 10. С. 50–60.
- Краснов М. А. Толкования Конституции как ее фактические поправки // Сравнительное конституционное обозрение. 2016. № 1 (110). С. 77–91.
- Кутафин О. Е. Пробелы, аналогия и дефекты в конституционном праве // Lex russica (Русский закон). 2007. Т. 66. № 4. С. 610–622.
- Лисанюк Е. Н. Логико-когнитивная теория аргументации : дис. ... д-ра филос. наук. СПб., 2015. 297 с.
- Лисанюк Е. Н. Поиск и отбор решений спора в аргументации // Двенадцатые Смирновские чтения : материалы Международной научной конференции, г. Москва, 24–26 июня 2021 г. / редкол.: О. М. Григорьев, Д. В. Зайцев, Ю. В. Ивлев [и др.] ; отв. ред. В. И. Маркин. М. : Русское общество истории и философии науки, 2021. С. 280–284.
- Мигунов А. И. Соотношение риторических и аргументативных аспектов дискурса // РАЦИО.ru. 2010. № 4. С. 3–28.
- Политюк А. П. Риторический поворот в теории аргументации // Вестник Балтийского федерального университета имени И. Канта. Серия «Гуманитарные и общественные науки». 2013. № 12. С. 112–119.
- Сивицкий В. А. Перспективы института экспертного заключения в конституционном судопроизводстве в свете нового правового регулирования // Журнал конституционного правосудия. 2022. № 3. С. 1–11.
- Чирнинов А. М. «Молчание — золото?»: конституционность отказа лица, заключившего досудебное соглашение о сотрудничестве, отвечать на вопросы стороны защиты // Сравнительное конституционное обозрение. 2023. № 1 (152). С. 172–180.
- Чирнинов А. М. «Скорость нужна, а поспешность вредна»: конституционность механизма отстранения члена участковой избирательной комиссии // Конституционное и муниципальное право. 2024. № 1. С. 33–39.
- Чирнинов А. М. В поисках релевантных аргументов: структура конституционно-судебной аргументации // Сравнительное конституционное обозрение. 2022. № 3 (148). С. 33–61.
- Чирнинов А. М. Влияние процедурных особенностей конституционного контроля на стиль аргументации: сравнительное исследование // Право и политика. 2020. № 9. С. 33–46.
- Чирнинов А. М. Понятие и свойства конституционно-судебных доказательств (на примере России и США) // Труды по сравнительному конституционному праву : кол. монография к юбилею профессора М. С. Саликова / И. Ю. Крылатова, С. С. Кузнецова, А. В. Нечкин [и др.]. Екатеринбург : Изд-во УМЦ УПИ, 2022. С. 64–83.
- Чирнинов А. М. Штраф уплачен [не] излишне: согласованность правовых институтов как конституционная ценность (на примере административно-деликтного права) // Сравнительное конституционное обозрение. 2022. № 5. С. 142–151.
- Alexy R. A Theory of Legal Argumentation: The Theory of Rational Discourse as Theory of Legal Justification. Oxford : Oxford University Press, 2011. 323 p.
- Benjamin S. M., Renberg K. M. The Paradoxical Impact of Scalia's Campaign Against Legislative History // Cornell Law Review. Vol. 105. 2019. P. 1023–1092.
- Breyer S. On the Uses of Legislative History in Interpreting Statutes // Southern California Law Review. Vol. 65. 1991.

- Carro J. L., Brann A. R. *The U. S. Supreme Court and the Use of Legislative Histories: A Statistical Analysis* // *Jurimetrics*. Vol. 22. 1982. No. 3. P. 294–306.
- Eemeren F. H. van, Grootendorst R. *A Systematic Theory of Argumentation: The Pragma-Dialectical Approach*. Cambridge : Cambridge University Press, 2004. 226 p.
- Hahn U., Harris A. J. L., Corner A. *Argument Content and Argument Source: An Exploration* // *Informal Logic*. Vol. 29. 2009. № 4. P. 337–367.
- Huhn W. *Five Types of Legal Argument*. 3rd ed. Durham, North Carolina : Carolina Academic Press, 2014. 228 p.
- Jakab A. *Judicial Reasoning in Constitutional Courts: A European Perspective* // *German Law Journal*. Vol. 14. 2013. No. 8. P. 1215–1275.
- MacCormick N. *Rhetoric and the Rule of Law: A Theory of Legal Reasoning*. Oxford : Oxford University Press, 2005. 304 p.
- Sajo A., Uitz R. *The Constitution of Freedom: An Introduction to Legal Constitutionalism*. Oxford : Oxford University Press, 2017. 512 p.
- Shaw K. *Friends of the Court: Evaluating the Supreme Court's Amicus Invitations* // *Cornell Law Review*. Vol. 101. 2016. No. 6. P. 1533–1596.
- Walton D. *Fundamentals of Critical Argumentation*. Cambridge : Cambridge University Press, 2006. 360 p.
- Walton D. *Methods of Argumentation*. New York, NY : Cambridge University Press, 2013. 320 p.

REFERENCES

- Alexy R. *A Theory of Legal Argumentation: The Theory of Rational Discourse as Theory of Legal Justification*. Oxford: Oxford University Press; 2011.
- Benjamin SM, Renberg KM. The Paradoxical Impact of Scalia's Campaign against Legislative History. *Cornell Law Review*. 2019;105:1023-1092.
- Blokhin PD. Justification by Analogy in Constitutional and Legal Disputes. In: Lysanyuk EN (ed.). *Argumentation in Law and Morality*. St. Petersburg: Alef-Press Publ. 2018. (In Russ.).
- Blokhin PD. Multiplication of Entities: The Constitutional Court of the Russian Federation's Reference to International (Foreign) Judicial Practice. *Herald of Enforcement Procedure*. 2021;3:6-13. (In Russ.).
- Breyer S. On the Uses of Legislative History in Interpreting Statutes. *Southern California Law Review*. 1992;61:845-867.
- Bryushinkin VN. The advantages and disadvantages of the logical approach to the argumentation modelling. *IKBFU's Vestnik. Series: Humanities and social science*. 2010;12:96-105. (In Russ.).
- Carro JL, Brann AR. The U. S. Supreme Court and the Use of Legislative Histories: A Statistical Analysis. *Jurimetrics*. 1982;22(3):294-306.
- Chirninov AM. «Great Haste Makes Great Waste»: The Constitutional Nature of the Mechanism of Removal of a Member of a District Electoral Commission. *Constitutional and Municipal Law*. 2024;1:33-39. (In Russ.).
- Chirninov AM. «Is silence golden?»: the constitutionality of the refusal of a person who has entered into a pre-trial cooperation agreement to answer questions from the defense. *Sravnitel'noe konstitutsionnoe obozrenie [Comparative Constitutional Review]*. 2023;1(152):172-180. (In Russ.).
- Chirninov AM. Searching for relevant arguments: the structure of constitutional argumentation. *Sravnitel'noe konstitutsionnoe obozrenie [Comparative Constitutional Review]*. 2022;3(148):33-61. (In Russ.).
- Chirninov AM. The Concept and Properties of Constitutional Judicial Evidence (Case studies of Russia and the USA). In: Krylatova IYu, Kuznetsova SS, Nechkin AV et al. *Studies in Comparative Constitutional Law: A Collective Monograph in Honor of Professor M. S. Salikov's Anniversary*. Yekaterinburg: IMC UPI Publ.; 2022. (In Russ.).
- Chirninov AM. The fine is [not] overpaid: coherence of legal rules as a constitutional value (using as example of the law of administrative offences). *Sravnitel'noe konstitutsionnoe obozrenie [Comparative Constitutional Review]*. 2022;5:142-151. (In Russ.).
- Chirninov AM. The impact of procedural aspects of constitutional control upon the style of argumentation: comparative research. *Law and Politics*. 2020;9:33-46. (In Russ.).
- Dolzhiy AV. Manuscripts don't burn»: unwritten rights in constitutional adjudication. *Sravnitel'noe konstitutsionnoe obozrenie [Comparative Constitutional Review]*. 2014;1(98):120-137. (In Russ.).
- Eemeren FH. van, Grootendorst R. *A Systematic Theory of Argumentation: The Pragma-Dialectical Approach*. Cambridge: Cambridge University Press; 2004.

- Gadzhiev GA, Blokhin PD. On the functional purpose of part 2 of article 74 of the law on the constitutional court of the Russian federation and its relationship with the requirement to exhaust judicial remedies. *Journal of Constitutional Justice*. 2022;5:1-6. (In Russ.).
- Hahn U, Harris AJL, Corner A. Argument Content and Argument Source: An Exploration. *Informal Logic*. 2009;29(4):337-367.
- Huhn W. Five Types of Legal Argument. 3rd ed. Durham, North Carolina: Carolina Academic Press; 2014.
- Ivlev YuV. Fundamentals of the Logical Theory of Argumentation. *Logical Investigations*. 2003;10:50-60. (In Russ.).
- Jakab A. Judicial Reasoning in Constitutional Courts: A European Perspective. *German Law Journal*. 2013;14(8):1215-1275.
- Johnson SL. Winning Debates. A Guide to Debating in the style of the world universities debating championships. New York; London; Amsterdam: IDEA Publ.; 2012. (In Russ.).
- Krasnov MA. Interpretations of the constitution as its actual amendments. *Sravnitel'noe konstitutsionnoe obozrenie [Comparative Constitutional Review]*. 2016;1(110):77-91. (In Russ.).
- Kutafin OE. Gaps, Analogy, and Defects in Constitutional Law. *Lex russica*. 2007;66(4):610-622. (In Russ.).
- Lisanyuk EN. Logical-Cognitive Theory of Argumentation. Dr. Sci. (Philosophy). St. Petersburg, 2015.
- Lisanyuk EN. Search for and Selection of Dispute Resolution in Legal Arguments. In: Markin VI (ed.). *12th Smirnov Readings: Proceedings of the International Scientific Conference, Moscow, June 24–26, 2021*. Moscow: Russian Society for the History and Philosophy of Science Publ.; 2021.
- MacCormick N. *Rhetoric and the Rule of Law: A Theory of Legal Reasoning*. Oxford: Oxford University Press; 2005.
- Migunov AI. The Relationship between Rhetorical and Argumentative Aspects of Discourse. *RACIO.ru*. 2010;4:3-28. (In Russ.).
- Polityuk AP. The rhetorical turn in argumentation theory. *IKBFU's Vestnik. Series: Humanities and social science*. 2013;12:112-119. (In Russ.).
- Sajo A, Uitz R. *The Constitution of Freedom: An Introduction to Legal Constitutionalism*. Oxford: Oxford University Press; 2017.
- Shaw K. Friends of the Court: Evaluating the Supreme Court's Amicus Invitations. *Cornell Law Review*. 2016;101(6):1533-1596.
- Sibitskiy VA. Prospects of the institute of expert opinion in constitutional proceedings in the light of new legal regulation. *Journal of Constitutional Justice*. 2022;3:1-11. (In Russ.).
- Walton D. *Fundamentals of Critical Argumentation*. Cambridge: Cambridge University Press; 2006.
- Walton D. *Methods of Argumentation*. New York, NY: Cambridge University Press; 2013.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Чирнинов Алдар Мункожаргалович, кандидат юридических наук, доцент, старший научный сотрудник отдела права Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук, доцент кафедры конституционного права Уральского государственного юридического университета имени В.Ф. Яковлева
д. 16, Софьи Ковалевской ул., г. Екатеринбург 620049, Российская Федерация
chir-alдар@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Aldar M. Chirninov, Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Senior Researcher, Department of Law, Institute of Philosophy and Law, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences; Associate Professor, Department of Constitutional Law, Ural State Law University named after V.F. Yakovlev, Yekaterinburg, Russian Federation
chir-alдар@yandex.ru

Материал поступил в редакцию 3 ноября 2024 г.
Статья получена после рецензирования 14 июня 2025 г.
Принята к печати 15 июня 2025 г.

Received 03.11.2024.
Revised 14.06.2025.
Accepted 15.06.2025.